

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

(1936—1971)

Звезда полей

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1964

Николай Рубцов — поэт редкого, самобытного дарования, рано погибший — воплотил в своем творчестве трагедию современного человека, потерявшего корни и мучительно пытающегося вновь их обрести. «Звезда полей» — стихотворение для Рубцова почти программное, это его своеобразный символ веры.

«Звезда» горит «не угасая», вечно («над золотом осенним», «над зимним серебром») «для всех тревожных жителей земли». Но города, которых она касается «приветливым лучом», располагаются «вдали». Вдали от чего? От того самого места, которое в стихотворении не названо, но обозначено словом «здесь». Можно предположить, что на глубинном уровне в тексте отражается мифологическое представление о Мировом Древе, связывающем между собой наш «дольний» мир с его земными заботами и тяготами («В минуты потрясений/Я вспоминал...») — и мир «горный», тот, что придает высший смысл нашему обыденному существованию («И счастлив я, пока на свете белом/Горит, горит звезда моих полей...»). Мировое Древо закреплено в определенном месте, являющемся центром мироздания; стоит Древу пошатнуться — и вселенная лишится опоры, придет в состояние хаоса.

Образная структура текста подтверждает нашу догадку. «Звезда полей» отражается в полынье — и тем самым намечает в воздухе незримую ось между двумя мирами. На часах бьет двенадцать: заканчиваются сутки, начинаются новые, и тут появляется звезда. А ведь, согласно древним мифам, установление Мирового Древа как раз знаменует переход к новому времени (наша новогодняя елка, по сути, не что иное, как модель того самого первоначального Древа).

Внешняя простота, песенность стихотворения (отметим перекличку с известным романсом «Гори, гори, моя звезда») не должна заслонять от нас его глубочайший смысл. Вряд ли Рубцов сознательно ориентировался на архаический миф, но всем своим существом он понимал, что родина, родные поля, над которыми звезда «восходит ярче и полней», — это и есть для него центр вселенной, то единственное место на земле, где он может жить в гармонии с собой, с окружающими, с природой — или, попросту, жить «с Богом», как говорили в старину.